

The background of the cover is a painting. It depicts a woman on the left side, wearing a crown and a long, flowing dress. She has her eyes closed and a serene expression. In the center, a bird, possibly a dove, is shown in flight. The entire scene is set within a swirling, circular, and somewhat abstract landscape with soft, blended colors of blue, green, and yellow. The overall style is reminiscent of classical or romantic painting.

Алёна Бессонова

Сказки Ветра

сборник сказок для детей

Алёна Бессонова
Сказки Ветра. Сборник
сказок для детей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11662613

ISBN 9785447419776

Аннотация

Спасибо тебе, друг, что ты открыл книгу и впустил меня в свою комнату. Я не просто Ветер, я Ветер Перемен – большой фантазёр. Я много видел, слышал и запоминал, чтобы потом рассказать тебе. Я хочу, чтобы сказка повернулась к тебе самой интересной стороной. Сейчас в моём сундучке скопилось множество сказочных историй. Они так и рвутся, так и просятся рассказаться.

Содержание

Предисловие	5
О сороке и строптивом попугае	6
О жабе, которая всё на свете проспала	15
О степном коне Буране и чахлой кобыле Лауре	24
О деде и бабе, о курочке Рябе	32
О странствующем альбатросе по имени УР	39
Ошибка Ветра	48
Об акуле Акулине	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сказки Ветра

Сборник сказок для детей

Алёна Бессонова

*Завтра ветер переменится,
Завтра прошлому взамен
Он придёт, он будет добрый, ласковый
Ветер перемен*
(Стих. Н. Олева)

*Дизайнер обложки Людмила Бессонова
Иллюстратор Елена Бессонова*

© Алёна Бессонова, 2020

© Людмила Бессонова, дизайн обложки, 2020

© Елена Бессонова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4474-1977-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Спасибо тебе, друг, что ты открыл книгу и впустил меня в свою комнату. Я не просто Ветер, я Ветер Перемен – большой фантазёр. Я много видел, слышал и запоминал, чтобы потом рассказать тебе. Сейчас в моём сундучке скопилось множество сказочных историй. Они так и рвутся, так и просятся тебе рассказаться.

О сороке и строптивом попугае

Всю ночь Ветер гонял по степи дикий табун лошадей, тренировал молодых жеребят. Ему нравилось бегать с ними на перегонки. К утру устал, и в первом попавшемся саду повис на яблонево́й ветке дрябло́й тряпочкой, заснул. Проснулся от громкого храпа. Открыл глаза. Перед ним сидел попугай. Попугай был не большой и не маленький, средний был попугай. Но красавец! Белые с синевой крылья, зеленоватое брюшко, розовые щёчки, на голове красный хохолок, чем тебе не чудо природы?!

Ветер залюбовался, но всё-таки легонько толкнул попугая в бок:

– Не храпи! Дай выспаться.

– Иди к себе и спи! – огрызнулся попугай. – На моей ветке мои законы, хочу – храплю, не хочу – всё равно храплю!

– Почему на твоей?! – удивился Ветер.

– Я на ней сию, так?

- Так!
- Значит, на моей!
- Как тебя зовут, пернатый? – улыбнулся Ветер.

– Мишель! – гордо встряхнул хохолком попугай. – Я импортная птица! Зоологическая редкость!

– Почему ты живёшь вне дома, не в клетке? – удивился Ветер. – Разве попугаи в этих широтах живут на ветках? Здесь бывает зима.

– Что такое зима? – заволновался попугай. – Про зиму мне ничего неизвестно!

– Я тебе расскажу! – раздался трескучий голос с соседней ветки. Это была молодая сорока, очень энергично переступающая с ноги на ногу.

– Разреши представить тебе мою подружку, Ветер, – галантно раскланиваясь, сказал попугай. – Сорока Мадлен.

– Раньше она была Марусей, – улыбнулся Ветер. – И прозвище имела «Маруся – никого не боюсь».

– Путаешь меня с кем-то, Ветер, путаешь, – заворчала сорока, но взгляд отвела.

– Ой, ли! – покачал головой Ветер.

Сорока поморщилась и недовольно прострекотала:

– А ты, вообще-то, чего здесь делаешь, Ветер? Тебя в морях ждут, в степях ждут, в облаках ждут – не дождутся. Летел бы ты отсюда, а?

Ветер хотел ответить, но в разговор втиснулся попугай:

– Что такое зима, Мадлен? – пернатый нервно затряс хохолком. – Ты когда дырку в сетке окна проделывала, ничего про зиму не говорила!

– Так ты, Попка, в оконную дырку утёк? – усмехнулся Ве-

тер. – Ну-ну! Не буду вам мешать, ближе к зиме загляну, если позволите?

– Милости просим, месье, залетайте на огонёк, – затараторил попугай и тут же получил от сороки затрещину.

Ветер расправил плащ и полетел. Его действительно везде ждали. По дороге оглянулся назад:

– Надо обязательно до холодов заглянуть, проведать попугая, – подумал Ветер. – Пропадёт, замёрзнет дурачок!

Как только Ветер Перемен улетел, из щели дома выполз ветер Сквозняк.

– Хорошо, что выпроводили ветрилу, лезет носом не в свои дела, – зашипел новый гость. – Ой, ой, ой! – заорал попугай Мишель. – Вы тоже уходите! У меня от вас инфлюэнца!

– Что у него от меня? Переведи, сорока! – зашипел Сквозняк.

– Насморк у него от тебя, – усмехнувшись, ответила Мадлен. – Уходи подобру-поздорову, пока я твою щель соломой не забила!

– Тьфу, на тебя! – шикнул Сквозняк. – Маруська ты и есть Маруська!

Но же ушёл.

Разогнав всех, сорока взбодрилась. Почистила пёрышки себе и попугаю.

– Всё. Прихорошился и будет, – в приказном тоне сказала сорока. – Давай, Мишель, хату строить!

– А завтрак?! – завопил попугай.

– Кто не работает, тот не ест! – топнула лапкой сорока.

– Какую хату я должен строить? – продолжал кричать попугай. – Ты когда дырку в окне дырявила, ни про какую хату мне не говорила. Наоборот, намекала на свои отличные жилищные условия. А теперь хату строить?

– Я дырку продырявила, а вылез в неё ты. Никто тебя за лапы не тащил, обормот! Ты свободы хотел? Ты её получил! – попугай снова схлопотал от сороки затрещину. – Лети тащи веточки, тряпочки, сухую солому...

– Как?! – изумился попугай. – Из этогохлама мы будем строить мне апартаменты¹? Мне, импортному попугаю Мишелю?

Сорока ничего не ответила, она одарила Мишеля новой затрещиной и полетела строить гнездо.

– Я тебе барабан что ли?! – недовольно потряс головой попугай. – Стучит и стучит по голове! Заикаться скоро начну! Лучше бы перья себе пропылесосила. Неряха!

Сказал и прикрыл глазки. Решил подремать.

Как не старалась сорока заставить Мишеля строить гнездо, попугай всё время отлынивал. То больным прикидывался, то уставшим, то просто был не в настроении.

– погоди! – говорила сорока. – Придёт мой час. Отыграюсь я на тебе, лентяй!

Долго ли, коротко ли, а гнездо сорока всё-таки выстрои-

¹ *апартаменты* – уютное, просторное и удобное жилище

ла. Получилась дырявая корзиночка. Зато под крышей большого жилого дома. Сверху над гнездом нависал карниз. Он предохранял домишко от дождей и холодных ветров. Даже Сквозняк, уж насколько лазучий ветер, проникнуть туда не мог. Не у всякой птицы есть такое гнездо. Сорока радовалась:

– Давай, Мишель, полезай в гнездо, – горделиво стрекотала она. – Нечего по веткам скакать. Не бездомный теперь...

Попугай втиснулся в гнездо и завопил:

– Жёрдочка, где? Корытце для корма, где? Корытце с водицей, где? Зеркальце для любования, где? – попугай был на грани истерики. – Мадлен, это не те условия, в которых я привык существовать!

– Ты, оказывается, не птица – выпучила глаза сорока. – Ты неблагодарная свинья! Ничего. Ничего, – успокаивала себя сорока, – я из тебя рабочую лошадь сделаю!

– Как это?! – икнул попугай. – Я маленький из меня лошадь не получится!

– А я маленькую лошадь буду делать, но рабочую, – тихо пригрозила сорока. – Начну прямо сейчас! Человеческим голосом петь умеешь?

– А то! – вскинулся попугай, – в этом, самая большая моя изюминка!

– Тащи свою изюминку на автобусную остановку. Петь будешь, плясать будешь, блестящую денежку зарабатывать будешь. Много заработаешь – построим тебе апартаменты

с жёрдочкой и зеркальцем. Не заработаешь – не взыщи, кормить тебя просто так не буду...

– Ах, как я просчитался! – заломив крылья, заныл попугай. – Из такого дома ушёл! Зачем мне эта свобода, будь она неладна...

Сорока затрешиной прекратила стенания попугая, пинком выкинула его из гнезда:

– На работу, на работу...

Осень катилась к зиме. Похолодало. Ветер Перемен решил проверить, как живётся его старому знакомцу – импортному попугаю Мишелю. Пролетая над конечной остановкой пригородного автобуса, Ветер Перемен услышал знакомый голос. Сомнительного вида попугай с пыльными перьями и нечёсаным хохолком сидел на изгороди рядом с остановкой и орал дурным голосом. Вероятно ему казалось, что он поёт:

*– По приютам я с детства скитался,
Не имея родного жилища.*

Ах, зачем я на свет появился?

Ах, зачем меня мать родила?

– Подайте бедному попугаю блестяшку для пропитания... – слезливо мямлила птица. Перед ним лежала дырявая соломенная шляпа, наполовину заполненная пуговицами, ёлочной мишурой, фантиками от конфет.

– Мишель, это ты? – удивился Ветер Перемен. – Зачем тебе вся эта ерунда?

– Ох, Ветер, ты не представляешь, как я влип! – попугай

томно закатил глаза и с дрожью в голосе, продолжал:

– Эта разноцветная ерунда нужна сороке. Любит она всякие блестяшки. Приношу их – она меня кормит. Не приношу – не кормит. Это теперь моя работа.

– Где живёшь? – усмехнулся Ветер.

– Живу у сороки под крылышком. И то если она в настроении, – из глаз пернатого покатались крупные слёзы. – Впереди зима..., – попугай скорбно прикрыл глаза, сложил мятые крылья, уронил голову на грудь и зарыдал в голос:

– Ох, Ветер, наслушался я от воробьёв о зиме, не переживу её – замёрзну, умру. Умру-у-у! Давай попросаемся, Ветерок, может, не свидимся больше....

– Ладно, Мишель, не реви, – остановил голосащего попугая Ветер. – Помогу тебе, но...

Попугай понял – это его последний шанс. Он тут же прекратил рыдать, собрался и выпалил:

– Никаких «но»! Я тебя за язык не тянул, сам предложил – теперь помогай! Только как?

– Открою тебе какую-нибудь форточку. Влетишь туда. Понравишься деткам, оставят на постоянное житьё. Не понравись – выкинут. Ну, что, Мишель, попробуем?

– Какой я сейчас Мишель? Зови меня просто Мишкой. Здешний я теперь, никто не верит, что импортный....

Ветер открыл форточку на третьем этаже старого пятиэтажного дома. Попугай думал не долго, сразу кинулся в неё, зажав глаза.

– Ой, мамочка, – послышались из форточки весёлые голоса ребятишек. – Смотри, какой попугайчик!

– Прелесть, прелесть! – запричитал женский голос. – Сын, закрой форточку, вылетит! Как тебя зовут, птичка?

Попугай оценил обстановку, надул щёки, гордо встряхнул пыльным хохолком и рявкнул:

– Мишель! Я импортная птица! Зоологическая редкость! – потом огляделся и гордо добавил, – мне бы апартаменты с жёрдочкой и зеркальцем. У вас как? Найдётся?!

– Мы купим! Обязательно купим! – радостно закивали ребятишки.

– Ну, тогда ещё свежего зерна, морковки, яблочко и куриного желточка прикупите, – снисходительно произнёс попугай. – А сейчас, – добавил он устало, – мне бы хотелось освежиться, запылится маленько в дороге. Где тут у вас душевая комната для импортных попугаев?

Прежде чем влететь в открытую для него дверь туалетной комнаты, добавил, – вы поспешайте не торопясь, а то меня в других форточках ждут...

– Ах, пройдоха! Ах, врун! – засмеялся Ветер. – Этот не пропадёт! Этот приспособится!

О жабе, которая всё на свете проспала

– Жара, тошно, скучно! – шипел ветер Сквозняк, вылезая из-под крыльца дачного домика. – Скорее бы лето закончилось! Осень хочу. С дождями, с промозглыми ветрами, с насморками и ячменями на глазах. Люблю простужать деток! Люблю слушать, как они верещат, когда им укольчики делают! Красота, веселье!

– Жара... – вторила с грушевого дерева Сквозняку Ку-
кушка, – спрятаться негде. Макушку напекло. Полечу, суну
голову в озерцо, освежусь!

– Погоди, подружка! – остановил её Сквозняк. – Тихо у нас как-то, невесело! Давай придумаем что-нибудь. Скандальчик, какой устроим, драчку затеем. Носом кого-нибудь с кем-нибудь столкнём.

– Голова у меня, Сквозняк, нагрелась, – закапризничала Кукушка. – Неохота мне напрягаться, суетиться! Сколько усилий надо приложить, чтобы всех со всеми перессорить. Неохота мне...

– Спорим, Кукушечка, что я сделаю это без особых усилий. От одного моего лживого письмеца всё озеро забурлит и из берегов выйдет, – глаза у Сквозняка сверкнули в предвкушении весёлых событий.

– Ну-у-у, – Кукушка лениво потянулась, – если не очень напрягаться... Тогда давай говори, что делать!

– Напишу-ка я сейчас местной Жабе письмо, от имени Ветра Перемен, – мечтательно ухмыльнулся Сквозняк, – будто он, Ветер Перемен, выбрал оную жабу для проведения эксперимента. Хочет рожу её противную преобразить. Сначала царевной – лягушкой сделать, затем просто царевной. Царство ей на отдельном острове в океане подарить. Пусть правит!

– Почему не сразу царевной? – потопталась с ноги на ногу Кукушка, – сначала в лягушку, а только потом в царевну?

– Позаковыристей хочу! – захихикал Сквозняк. – Так повеселее будет! Поняла, дурья голова. Ну что, понесёшь на хвосте лживую новость?

– Чего не понести, понесу! – Кукушка на минутку задумалась. – А мне-то, какой резон? Мне-то какая с этого радость?

– Как, какая? – серьёзно спросил Сквозняк. – Тебе на царском острове должность дадут. Будешь главной птицей!

– Ах, батюшки! – заторопилась Кукушка, – давай быстрее письмо, привязывай к хвосту, полетела я!

Стоило Кукушке улететь, как Сквозняк пуще прежнего развеселился. Глаза его заискрились, поникшие от жары крылья расправились.

– Действительно, Кукушка, голова у тебя перегрелась! – клокотал от смеха Сквозняк. – Сама в эту лживую байку поверила! Так это к лучшему. Правдоподобнее будет! Уж если кукушка, не самая глупая птица, в мою придумку поверила, то пустоголовые рыбы точно поверят. Посмотрю, что они делать будут, посмеюсь на славу, порадуюсь,...

Сказал и засел в дупле трухлявого дерева, притих, прищурился, уши наострил, слушать приготовился.

Кукушка письмецо, свёрнутое в трубочку, быстро доставила. Плюхнуло его в самую серединку озера. Плавало письмо на поверхности недолго, сразу же было схвачено любопытной Щукой.

– Ничего себе, новость! – почесала плавником затылок Щука. – Письмецо в норку надо припрятать, подумать, что и мне с него поиметь можно...

Щука думала всю ночь. Застыла как бревно, даже мелкая рыбёшка стала без страха мимо щучьего носа проплывать.

Очнулась, когда цапля в хвост клюнула.

– Надо Сому письмо показать, – решила Щука, – у него голова большая. Пусть думает, как письмецо с пользой для нас повернуть.

Сом – речной великан, живёт сам по себе, никакого мельничания и суеты не терпит. Он, конечно, не кит, но всё равно Владыка рек. Четвёртую часть тела владыки занимает похожая на сплющенное ведро голова. А усищи-то! Усищи страх какие длинные!

Щука долго искала Сома – нашла в глубоком омуте, под корягой.

– Чего пожаловала, суетливая моя? – рыбина зевнула, зашевелила усами. – Отдыхаю, не видишь? Ночью выйду на охоту, тогда приходи. Может, и тебя отведаю, вкусная ты моя!

Сом захихикал, заметив щучью дрожь.

– Ладно, – миролюбиво сказал великан, – говори, что стряслось?

– Тут такие новости, Сомище! – затараторила щука. – Обсудить надо, обмусолить...

Щука показала письмо. Владыка прочитал, растерянно захолопал скатившимися к самой губе пуговками глазками.

– Премудрого Пескаря зови, совещаться будем, – в задумчивости прошамкал Сом. – Чехонь тоже покличь, пусть приплывёт...

– Чехонь-то зачем? – взвилась щука. – Эта по всему озеру

раструбит.

– Позови! – шикнул Сом. – Она верхоглядка, глаза у неё во все стороны стреляют, ищет, чего бы схапать. Посторожит нас, пока мы совещаемся...

Щука туда-сюда нырнула, всё сделала, как велел Владыка. Пескарь, почитав письмо, изрёк:

– Жабе до поры до времени говорить ничего не будем. План надо составить – проект. Думаю я при царевне совет должен быть. Нечего ей самой мозги нагружать. Невелики мозги у жабы. – Пескарь в сердцах шарахнул плавником по воде. – Это ж в страшном сне не привидится, чтобы такой глупой жабе такое счастье привалило!

– Может как раз неплохо, что глупая? – заметил Сом. – Скажем ей, пусть попросит Ветра Перемен эксперимент расширить и нас во что-нибудь путное превратить. Скажем, что нехорошо от земляков отворачиваться. Без своих в царстве пропадёт! Чужаки погубят, отравят, или того хуже, прибудут! Приведём примеры. Мол везде, кто царство получал, сразу своих на хорошие места пристраивал. Вот ты, щука, кем хочешь быть?

– Красавицей! – вскинулась Щука. – Белокурой бестией, на куклу Барби хочу быть похожей...

– Тьфу! – в сердцах плюнул премудрый Пескарь. – Тебя спрашивают, не какой хочешь быть, а кем?

– Рыбкой хочу торговать! – зашуршала щука. – Магазинычок маленький рыбный хочу. Нет! Средненький такой. Нет!

Большой магазин хочу. Нет! Хочу в царстве одна рыбой торговать и повсеместно!

Сказала, как припечатала.

– Та-а-а-ак... – задумчиво произнёс Пескарь, – а ты чего хочешь, Сом?

– Хочу быть Мистером Твистером, – лениво прошамкал владыка рек, – хочу быть владельцем заводов, газет, пароходов...

– Та-а-а-ак... – ещё более задумчиво произнёс премудрый Пескарь, – мне, ещё в юности, сам Морской царь говорил, что с моей головой можно на должность первого министра царства претендовать. Видать, моё время пришло...

Сом и щука с удивлением переглянулись:

– Когда в их озере успел побывать Морской царь? Никогда такого не было. Врёт! – решили рыбы, но промолчали.

Пока заговорщики совещались, прикидывали, кто кем да куда править пойдёт. Дома рисовали, в которых жить будут. Должности распределяли. Озерцо помаленьку бурлить начало. Слухи поползли, сплетни размножаться стали (Кукушка с Чехонью этому сильно способствовали). А уж когда из-за океана, куда слушок добежать успел, Аист прилетел с письмом от акулы – хотела хищница царской охраной заведовать, озерцо совсем из берегов вышло. Рыбий народец зашумел, завозмущался, всем хотелось в царство попасть. Утки над озером пролетали и те орали, как оглашённые:

– Хотим царскими гвардейцами быть!

Откуда ни возьмись появился Павлин. Такой птицы здесь видом не видывали.

– Хочу быть при царстве Главной птицей, – тоном, нетерпящим возражения, сказал гость, – поскольку никто из вас претендовать на эту должность не может по причине абсолютной серости.

– Как?! – завизжала Кукушка. – Эту должность мне Сквозняк обещал! Не позволю! Не допущу!

– Кто обещал?! – вытаращил глаза Сом.

Уж на что Пескарь донная рыба и тот из воды выскочил:

– Кто обещал?!

– Как кто? – продолжала возмущаться Кукушка, – Ветер Сквозняк обещал, когда письмо писал и велел его вам подкинуть. Сказал, если лживое письмецо подкину – сразу главной птицей царства стану. Чего я стараться буду напрасно?!

– Ты хоть думаешь, что говоришь? – схватился за сердце премудрый Пескарь. – Обманул нас Сквозняк! Потешился над нами! Мы губы раскатали. Ветер Перемен здесь ни при чём. Сквозняк сам ничего делать не умеет, не дано ему. Только мы, дурачье, повелись, размечтались! Тьфу!

Пескарь постучал по голове плавником и исчез под корягой. Сом в свою берлогу в омут поплёлся. Щука от горя комара съела. Только Жаба всё это время, в полном одиночестве, дремала в норке под моховым покрывальцем. Не пришёл ещё её час на охоту выходить. Не любит Жаба дневного солнца вот и спит себе посыпохивает.

Долго ещё над озерцом раздавался смех Сквозняка и всхлипы Кукушки. Она хоть и не глупая птица, а самая последняя поняла, как над ними всеми противный Сквозняк посмеялся. Уж больно ей хотелось главной птицей царства стать. Плакала, плакала, а потом полетела и Ветру Перемен пожаловалась.

– Ах, проказник! – возмутился Ветер Перемен. – Это он что же, себе на потеху всё озеро перебаламутил? Да ещё моё честное имя своим враньём осрамил...

Прилетел и загнал вруна в старое дупло:

– Пусть посидит, ему полезно...

О степном коне Буране и чахлой кобыле Лауре

Буран родился в дикой степи свободным конём. Его спина не знала седла, а голову не опутывала узда. Табун, в котором Буран был вожаком кочевал по степи к морю, от моря в степь. Море Буран любил больше. Он был похож на большую волну: огромный, темно-серый, с серебристой гривой, полыхающей белыми бурунчиками кудрей. Только в глазах его поселилась тоска, поселилась и не уходила.

– Прогони её, Буран! – однажды сказал коню Ветер Перемен. – Не должна тоска жить в тебе. Сожрёт она тебя, погубит окаянная! Когда тоски много, в душе для радости места не остаётся. Смотри, в табуне все кони с кобылками парами ходят, а ты всё один и один...

– Нет у меня пары, была да сплыла! – Буран опустил голову низко-низко, так чтобы Ветер не видел его слёз. – Угнали мою кобылку в плен. Мою Лауру! Родились мы с ней в табуне в один день, вместе росли. Любила Лаура весенние степи. Вихрем проносилась по цветущей земле. После неё ещё долго колыхалась степь красными волнами маков, жёлтыми волнами тюльпанов, синими ирисов. В этой степи накинул злой человек на шею Лауры аркан, увёл мою подружку. С тех пор кочую, ищу её. Пока не нашёл. Ты не встречал её, Ветер?

– Может, и встречал, разве всех упомнишь? Кого я только на этом свете не встречал! Какая она?

– Статная, белая в серых яблоках. Грива чёрная, как смола, глаза карие. В глазах искорки солнечными зайчиками прыгают. Веселушка, хохотушка, надо мной подтрунивала: *«Б`урушка, Бур`ушка, на голове два ушка»*

– Полетаю, посмотрю, если увижу, что передать?

– Передай, жду её. Всю жизнь буду ждать! Любую! Большую или здоровую, счастливую или несчастную, статную или

хромоногую.....

– Встряхнись, Буран! – прикрикнул на коня Ветер. – Негоже жожаку табуна раскисать, киселём растекаться...

Буран поднял голову. Тряхнул гривой. Вздрыбился. Из ноздрей пар повалил. Копытом так по земле стукнул, что искры посыпались.

– Э-ге-гей, табун! – протрубил конь. – Травы молодой сочной отведали? Воды ключевой из ручья напились? Теперь к морю. Купаться! Пошли! Пошли!

Табун еле успевал за жожаком. Клином мчал по степи. Буран бежал, как летел, грудью воздух на куски рвал, в разные стороны разбрасывал.

Ветер Перемен залюбовался конём:

– Нет, этот не пропадёт! – улыбнулся Ветер. – В молодости я таким же озорным был. Как вспомню, что лягушку в Василису Прекрасную превращал, царь-девицу в лебедя, на ката сапоги одевал и маркизом делал, неловко становиться, но весело.....

Полетел Ветер дальше, много дел у него на свете. Летел мимо посёлка. Дома в том посёлке богатые стоят. Палисадники чистенькие, красивыми цветами расцвеченные. В каждом дворе хозяйство. У кого куры гомонятся, у кого козы блеют, а у кого коровы в хлевах помукивают. У одного из дворов увидел Ветер чахлую лошадь, впряжённую в телегу с тяжёлыми бидонами молока. Стояла она в тени большой раскидистой берёзы. Вокруг неё бегал толстый неопрятный

коротконогий человек и орал, что было мочи, разбрызгивал слюни в разные стороны:

– Ах ты, Кляча! Встала тут! Устала она, видите ли, – толстяк скрежетал зубами, сучил кулачками. – В бидонах молоко прокисло! Куда я теперь его дену? Убыток какой! Ой-ой-ой! Разорила ты меня, Кляча! Разорила! Деток моих обездолила, на что я теперь им шоколад, конфетки покупать стану?

Лошадь стояла, от страха не шелохнувшись, старалась не дышать. Хозяин бил её хлыстом, оводы больно жалили ноги, но она стояла будто каменная.

– Не хватило мне сил дотащить эти проклятые бидоны с молоком до приёмного пункта, – оправдывалась про себя лошадь. – Уж больно они сегодня тяжёлые! Вчера меня забыли покормить, позавчера тоже. Сил не хватило...

– Всё! – хозяину надоело орать, он последний раз топнул ножкой, выплюнул:

– Завтра сдам тебя в мясокомбинат на колбасу. Получу денежки, куплю деткам сладости. Пошла, Кляча, в конюшню. Эта ночь у тебя последняя!

Лошадь, едва передвигая ногами, поплелась в стойло.

– Разве раньше меня звали Клячей? – грустно думала лошадь. – Раньше меня звали как-то по-другому, красиво звали. Забыла как! Эта ночь у меня последняя. Пусть мне приснится сон моего детства, тот, что снился по праздникам. Будто бегу по весенней степи, а она, как море, разбегается волнами красных маков, жёлтых тюльпанов, синих ирисов.

Рядом со мной бежит мой друг, степной конь Буран!

Лошадь закрыла глаза, тихонечко пропела:

– Б`урушка, Бур`ушка на голове два ушка...

– Ойпа! – резко остановился Ветер Перемен. – Что ты сейчас пела, лошадка?

– Песню своей молодости: " Б`урушка, Бур`ушка на голове два ушка...

– Как тебя зовут, лошадка? – удивился Ветер Перемен.

– Сейчас меня зовут Кляча, как звали раньше – не помню. Много работала, мало отдыхала. Некогда было вспоминать. Завтра меня будут звать колбасой...

Ветер осмотрел лошадку со всех сторон.

– Белая с серыми яблоками, с чёрной, как смола, гривой, карими глазами, так говорил Буран о своей Лауре, – размышлял Ветер. – Эта тощая, чахлая совсем. Шкура грязно-серая, волосы в гриве спутанные, все в репьях. Глаза тусклые... Нет, не может быть эта Кляча Лаурой! А ну-ка, проверю. Привет тебе от Бурана, – вскрикнул Ветер, – просил, если увижу тебя, передать, что ждёт!

– Всё ещё ждёт?! – в глазах лошадки заскакали солнечными зайчиками искорки счастья. – Скажи ему, Ветер, не забывала его никогда. Себя забывала, а его нет! В последний свой день одного его помню...

– Вот дела! – удивился Ветер – До чего злые бывают лю-

ди, из совсем молодой кобылки древнюю старуху сделали. Зовут тебя Лаурой, вспомнила? Беги, Лаура! Беги к Бурану! Беги...

Ветер сорвал тяжёлые ворота с петель, подтолкнул Лауру: – Беги, тебе мои ученики – степные ветры помогут добраться. Я здесь задержусь, кое- что поправить надо...

Степные ветры подхватили кобылку, понесли её навстречу другу.

Ветер Перемен озлобился, надулся, превратился в большую бурю чёрную беспощадную. Закрутился юлой. Пошёл танцевать на крыше богатого дома хозяина лошадки. Не выдержал дом тяжёлого танца Ветра, развалился на мелкую щепу и ту ветер раскидал по всей округе, чтобы даже памяти не осталось.

А степные ветры всё несли и несли ослабевшую лошадку. – Ну, давай, ещё немного, – уговаривали они её, – постарайся!

Лаура старалась из последних сил.

– Что за кляча скачет нам навстречу? – спросил табунный конь у вожака. – Смотри- ка, не боится, что затопчем!

Буран взгляделся вдаль, увидел, как степные ветры хлопочут вокруг кобылки, понял – Лаура!

Помчался навстречу. Бежал и видел только глаза подруги.. Глаза, в которых солнечными зайчиками прыгали весёлые искорки :

– Б`урушка, Бур`ушка на голове два ушка...

Оглядел Буран подругу со всех сторон, обомлел:

– Кто ж тебя так, милая?! Ну, да ничего. Главное, жива!

Тряхнул Буран гривой. Вздрыбился. Из ноздрей пар повалил. Из-под копыт искры посыпались:

– Э-ге-гей, табун! – протрубил конь. – Теперь к морю, купаться! Пошли! Пошли!

Табун клином скакал к морю. Позади всех Буран со своей подружкой.

– Не грусти! – кричал Буран Лауре. – Скоро поправишься, опять будем впереди!

У моря Буран загнал подружку в самую сильную волну. Сам лизал её шкурку, пока она не стала белой и на ней не появились серые яблочки. Зубами выбрал репы из гривы, заставил плыть:

– Плыви! – кричал он. – Накачивай мышцы! Набирайся силы!

– Молодец, Буран! – радовался Ветер Перемен. – Тоску прогнал. Радости в два раза больше стало. Её и на Лауру хватит.

Часто теперь присаживается на облачко Ветер Перемен отдохнуть, полюбоваться, как по весенней степи идёт табун, впереди степной конь Буран и его серая в яблоках подружка Лаура

– Эх, хорошо идут, хорошо! – радуется Ветер.

О деде и бабе, о курочке Рябе

Жили – были дед и баба, была у них курочка Ряба. Снесла им курочка яичко не простое, а золотое. Дед яичко бил, бил, не разбил. Баба била, била не разбила. Мышка бежала, хвостиком вильнула, яичко упало и разбилось. Снесла курочка ещё одно яичко не золотое, а простое. Сварили дед с бабой яичко и съели. Сидит курочка, плачет, горячими слезами обливается:

– Из чего я теперь себе детку высижу? Съели моё яичко. Не будет у меня цыплёночка!

Плакала курочка Ряба долго, пока не услышал её пролетающий мимо Ветер Перемен:

– Не горюй, Ряба! Принесу я тебе яичко. Сегодня над скалой пролетала злая Буря, много птичьих гнёзд свалила. Одно я успел подхватить, в нём яичко беленькое с чёрными крапинками – красивое!

Принести тебе? Высидишь, будет тебе сыночек или доченька.

– С какой стати ты вздумал ей помогать? – вылезая из щели, вмешался в разговор Ветер Сквозняк. – Пусть сама себе

новое яичко высидит. Для курицы это раз-два плюнуть!

– Не могу я больше яйца высиживать, – ещё пуще заплакала курочка Ряба, – старая стала!

– Ах, старая! – скрипуче засмеялся Сквозняк. – Так, в суп тебя, и дело с концом! Надо деду с бабкой нашептать, суп-то из тебя пока ещё наваристый получится.

– Цыц! – крикнул Ветер Перемен Сквозняку. – Будешь курицу пугать, загоню тебя обратно в щель!

– Тихо, тихо! – испугался Сквозняк. – Пошутил я!

– Ветерок, – осторожно спросила курочка Ряба, – кто в том яичке сидит, которое ты обещал?

– Высидишь – увидишь! – прошелестел Ветер Перемен и был таков.

Вернулся скоро. Принёс большое гнездо, а в нём яйцо, тоже большое.

– Ах, какое красивое яичко! – умилилась курочка Ряба. – Должно быть, из него большой и сильный цыплёнок вылупится. Самый красивый во всём курятнике. Будет мне радость на старости лет!

Села курочка на яичко, размечталась:

– Назову своего сыночка сладким именем – Зёрнышко. Ах, – встрепенулась курочка, – если родится не сыночек, а доченька, как же я её назову?

Курочка задумчиво почесала ножкой за ушком:

– Тоже Зёрнышком! Хорошее имя – и сыночку, и доченьке подойдёт!

Не помнит курочка, сидя на яичке, сколько времени прошло. Помнит только, как сильно проголодалась. Боялась отлучиться, вдруг кто яичко повредит или того хуже утащит, или ещё хуже – разобьёт. Так и сидела голодная, пока не услышала, как внутри яичка кто-то постучался.

– Кто там? – с замиранием сердца спросила Ряба.

– Это я, мамочка! – ответил кто-то. – Твой сыночек! Слезь с яичка, скорлупку разобью!

Только курица соскочила, как яйцо с треском развалилось и на белый свет появилось куриное дитяtko.

– Ой! – подивилась Ряба. – Какой ты большой, Зёрнышко! Какой белый! Все цыплятки жёлтенькие, а ты белый, как вата. Перья, как будто серебром припорошило. Клюв мощный, с таким клювом тебя никто не обидит. Есть хочешь?

– Хочу, мамочка! – пробасил птенец. – Принеси мне ведёрко червячков.

Курочка Ряба сбегала в сад, накопала сыночку ведёрко червячков. Потом сбегала ещё раз, ещё много- много раз, пока птенец не наелся.

– Может, не будешь так много есть, Зёрнышко? – волновалась Ряба. – Скоро Лисий день, а ты самый крупный из птенцов. Лиса, точно тебя приметит. Отнимет!

– Что за Лисий день? – удивился Зёрнышко, поклёвывая червячков.

– Есть в курятнике страшный день, когда лиса приходит за нашими детками, – всплакнула курочка Ряба. – У каждой

курочки по цыплёночку забирает. Если не даём, без разбору хватает, может со злости всех забрать. Не выделяйся, Зёрнышко, ты у меня один. Если лиса тебя заберёт, я от горя умру!

– Не бойся, мамочка, пусть только явится, – уверенно сказал Зёрнышко. – Вмиг отважу в чужие курятники лазить!

Аппетит у сына курочки Рябы был отличный, Рос птенец не по дням, а по часам. В курятнике начали роптать:

– Ряба! – кричали куры. – Куда ты его откармливаешь! Скоро никому места не хватит. Он и один здесь уместиться не сможет. Наши детки по стеночкам жмутся!

Ряба, как могла, кур уговаривала:
– Потерпите, подруженьки! Пусть немного подрастёт, возмужает!

За спорами и разговорами не заметили, как Лисий день пришёл.

Лиса по-хозяйски вошла в курятник, ногой притопнула, визгливым голосом прикрикнула:

– Ну-ка, куры, тихо! Разгалделись! Тащи по цыплёнку от каждой курицы, пока добрая! Сами в мешок укладывайте, разленилась я!

Лиса поискала глазами место, где ей прилечь отдохнуть. Неожиданно увидела сынка курочки Рябы:

– Ой! – воскликнула Лиса от удивления. – Этого здорового в первую очередь положите. Его на три дня пооббе-

дать хватит!

– Матушка Лиса! – взмолилась курочка Ряба, – не отнимай моего сыночка! Он у меня единственный!

– В котёл тебя, в котёл! – зашипел из всех щелей ветер Сквознячок. – Давно старика со старухой подговариваю сварить из тебя щи!

– Прав Сквозняк! – обрадовалась Лиса – Ты тоже, курица, в мешок полезай! Дед с бабкой не съели, я съем!

– Кто тут мою матушку обижает? – громко спросил Зёрнышко.

Спросил и, не дожидаясь ответа, начал расправлять крылья. Тут-то все в курятнике от удивления застыли, будто окаменели. Крылья Зёрнышка заполнили весь курятник от стенки до стенки. Гордо вскинутый клюв грозно поблескивал в луче солнца. Два зорких глаза, как льдинки смотрели на ошалевшую лису.

– Орёл! – прошептала лиса, от страха усаживаясь на собственный хвост.

– Орёл! – загалдели куры и бросились вон из курятника.

– Орёл! – зашипел ветер Сквозняк, уползая обратно в щель.

– Я орёл! – строго сказала птица. – Эта курица... – Зёрнышко с нежностью посмотрел на Рябу, – мать орла!

Не успела лиса очухаться, Зёрнышко схватил её острыми когтями и взмыл в небо. Хищница от страха извивалась, как змея, визжала, как поросёнок. Орёл взлетел высоко за обла-

ка, так высоко, что солнце стало обжигать ему крылья. Тогда, пролетая над рекой, Зёрнышко разжал когти, бросил хищницу в воду:

– Запомни, рыжая! – крикнул вслед ей Зёрнышко – Курочка Ряба – мать орла! Остальные куры – мои братья и сёстры! Ещё раз сунешься в курятник, брошу на скалы!

– Ну вот, а ты плакала, курочка Ряба! – весело пропел Ветер Перемен. – Какого красивого сильного и умного сына вырастила, загляденье!

О странствующем альбатросе по имени УР

– Какой бездарный памятник, – прокрипел Ветер Сквозняк, лениво шляющийся по прибрежному посёлку. – И кому? Безмозглой птице! Альбатросу!

– Отчего уж такой бездарный? – пролетая мимо, спросил Ветер Перемен. – Хороший памятник славной, героической птице. Ты, Сквозняк, как всегда, сплетни разносишь, дразги устраиваешь. Что ты знаешь об этой птице?

– Знаю – жрёт много. Крыльями не машет, ленится, – Сквозняк криво улыбнулся. – На тебе, Ветер, катается, как на лошади. Тебе не обидно быть у альбатроса средством передвижения?

– Помогать птицам летать – моя работа, моё призвание, – Ветер Перемен с нежностью посмотрел на памятник альбатросу. – Помогать летать такому странствующему альбатросу, как Ур, ещё и почётно...

– Почётно?! – скривился Сквозняк. – Сколько килограммов почёта он вывалил на твои плечи? После такого почёта – помёта, наверное, долго дурно пахнет!

– Когда я законопачу тебя в старую морскую бочку с тух-

лой рыбой, ты тоже будешь дурно пахнуть, – вскипел Ветер Перемен.

– Эй-ей, Ветры, как не стыдно ссориться?! – вмешалось в разговор дождевое Облако. – Освежу вас водичкой, поостынете немножко. Не связывайся с ним, Ветер Перемен, скользкий он. Лучше расскажи мне и моим подружкам – кучевым облакам об альбатросе Уре. Слышала я что-то, но как-то всё вокруг да около, точно никто ничего не знает. Нам очень интересно, расскажи!

– Я, пожалуй, полечу. Вам интересно, а мне нет, – проворчал Сквозняк, кашлянул и удалился.

– Как хорошо, что Сквознячок – соплячѐк ушѐл, – вздохнуло кучевое Облако. – Рассказывай, Ветер, рассказывай!

Долго уговаривать Ветра Перемен не пришлось. Ему самому хотелось вспомнить ту давнюю историю.

Ветер прикрыл глаза и ушѐл в свои воспоминания:

– Этот день для Ура был самым счастливым и самым несчастным.

Да, этот день для альбатроса Ура был самым счастливым и самым несчастным. Утром его подружка по имени Ая первый раз снесла яичко. Альбатросы долго не несут яйца. Начинают только тогда, когда им исполнится восемь-десять лет. Срок для птиц немалый. В кладке всегда только одно яйцо. Птица садится на яйцо, греет его теплом своего тела. Сидят птицы на яйце неотлучно месяца три-четыре. Ни при

каких условиях яйцо не должно остыть, иначе оно протухнет и птенец на свет не появится. И это тоже не всё. Как только малая птичка вылупится, её нужно выкормить. Процесс долгий, кропотливый. Месяцев десять родители кормят своё прожорливое чадо.

– Завтра я сяду на яйцо, – сказала Айя альбатросу Уру. – Сегодня последний раз хочу полетать вместе с тобой над океаном. Позволь мне, Ур! Хочу покататься на волне, взлететь в синее небо, рассказать подружкам – облакам о нашей будущей детке, попрощаться с Ветром. Позволь мне, Ур!

Айя так жалобно просила, что Ур не смог ей отказать.

– Кто посмотрит за яйцом? – спросил Ур.

– Я договорилась с соседкой из ближнего гнезда. Полетели.

Альбатрос – странная птица. Тело небольшое, а крылья огромные. Нет больше таких крыльев ни у одной из летающих в мире птиц. Уйти в полёт альбатросы могут с гребня волны или берегового утёса. Летать им всегда помогает ветер. Сутками парят птицы в штормовом небе. Вода и ветер – вечные спутники альбатросов. Айя любила летать. Её белые крылья с чёрными перьями на концах сверкали на солнце. Она смеялась от счастья, задевая клювом волну. Потом разворачивалась к ветру и вновь, не шелохнув крыльями, взмывала ввысь. Там Айя перелетала с одного облака на другое, делилась своей радостью о будущей детке.

– Ур, Ур, Ур! – нёсся ликующий клёкот из облаков.

– Айя, Айя, Айя! – вторил ему альбатрос. – Айя, как мы назовём свою дочку?

– Мы назовём её Ирри, Ирри, Ирри!

– Если это будет сын?

– Нет, Ур, у нас обязательно будет дочка! – смеялась Айя. – Смотри, Ур! Какая красивая яхта под нами. Надо её лучше рассмотреть!

Ур увидел, как на яхте с белыми парусами и двумя синими полосами на бортах мужчина в красной бейсболке заправил стрелу в лук. Натянул тетиву.

– Берегись моя люби-и-и- айя-айя-айя! Айя! – неистово закричал Ур.

Он не успел.

Стрела попала Айе в сердце. Птица умерла мгновенно. Только эхо не хотело понять, что Айи больше нет. Оно носило и носило в облаках её смех.

Мужчина повторно натянул тетиву и направил стрелу в сторону Ура.

– Это хорошо! – подумал альбатрос. – Там, на дне океана, мы будем вместе!

Альбатрос Ур летел прямо на стрелу. Расстояние между человеком и птицей сокращалось. Ур видел глаза человека, убившего его Айю.

Человек не выдержал взгляда птицы, опустил лук.

Ур ещё долго кружил над яхтой. Он ждал.

– Стреляй! Стреляй быстрее, негодяй! – кричал альбатрос.

Яхта резко изменила курс, пошла к берегу. Ур закрыл глаза, сложил крылья и пошёл камнем вниз.

– Яйцо! Ты забыл о яйце! – закричал Ветер Перемен, подхватывая птицу. – Если ты умрёшь – умрёт твой птенец. Некому будет его высиживать!

Сквозь рёв плачущих волн и вой штормового ветра альбатрос услышал голос Ветра Перемен. Он открыл глаза, медленно расправил крылья и полетел в направлении Птичьего острова. Туда, где было его гнездо.

Ур сам сел на яйцо. Через три месяца из него вылупилась птенец. Это была дочка, такая же беленькая хохотушка, как её мать. Ур назвал её Ирри. Маленькая Ирри имела презабавный вид. Она походила на белый мохнатый клубок шерсти величиной с хорошего индюка. Такой облик ей придавала тёплая шубка из белого густейшего длинного пуха. Из клубка торчала голова с большими чёрными глазами и солидным, не по возрасту, оранжево-красным клювом с крючком на конце. Ур внимательно разглядывал Ирри.

– Ну что же, вполне взрослый клюв и такие же лапы! – удовлетворённо хмыкнул альбатрос. – Крылышки маловаты. Ничего, время есть, подрастут! Ты бы понравилась Айе, детка!

Альбатрос спрятал голову под крыло, Ирри не должна видеть его слёз. Ур больше не летал над океаном в маловетре-

ную погоду. Он летал только в шторм. В грохоте волн не было слышно его плача. Чувство мести маленьким зёрнышком поселилось в сердце альбатроса. Теперь оно выросло до огромных размеров. В штормовых волнах он искал белую яхту с двумя синими полосами на бортах. Выкармливая Ирри, Ур представлял, как однажды он встретит своего врага.

– Я собою его крылом, когда он будет стоять на капитанском мостике. Удар моего крыла силён, он обязательно упадёт в океан. Там его сожрут акулы.

Альбатрос живо представил эту картину:

– Стоп, Ур! Яхта без капитана потеряет управление, врежется в маленькое рыбацкое судно. Погибнут люди. Так не пойдёт! Лучше попрошу океан, он заведёт яхту в Мёртвое море. Оттуда не выбирают корабли, там человек найдёт свою смерть! Стоп, Ур! Не надо вовлекать в свою месть других. Ты должен сделать это сам!

Выкармливая Ирри, Ур выращивал свою месть. Постепенно у Ирри пух заменился на перья. Наконец, наступил момент, когда она во всю ширь расправила свои чудесные крылья. С силой взмахнув ими, Ирри взмыла в небо, подставляя грудь встречному ветру.

– Вот и началась твоя взрослая жизнь, доченька! – восхищённо глядя на Ирри, подумал Ур.

Теперь он свободен. Теперь он может целыми сутками парить над океаном, высматривая своего врага. У жизни есть хорошее правило – кто ищет, тот всегда найдёт!

Однажды это случилось – он увидел его! Белая яхта терпела бедствие. Тяжёлая океанская волна молотом ударяла по палубе маленького судна. Мужчина в красной бейсболке пытался убрать тяжёлые от воды паруса. Не успел, яхту перевернуло.

– Айя! – радостно закричал альбатрос. – Он получил своё! Океан скормит его акулам...

Из-под перевернутого днища яхты выплыло две головы: мужчины и мальчика. Мальчик захлёбывался, лихорадочно болтал ногами и руками. Он тонул. Мужчина, вероятно, отец мальчика, пытался подплыть к ребёнку. Злая океанская волна растаскивала их в разные стороны. Мужчина успел ухватиться за обломок яхтовой мачты. Он дико кричал, звал сына.

Альбатрос заметил голову мальчишки на гребне волны. Это была его последняя волна, дальше чёрная пропасть и смерть. Ур не думал, он сложил крылья, спикировал в белый гребень. Время оставалось мало, точнее, его не было совсем, перо не должно намокнуть. Ур поднырнул под мальчика, и тотчас выплыл с ним на поверхность. Расправив крылья, альбатрос не дал мальчишке упасть обратно в воду. Встречный ветер приподнял птицу и понёс её ввысь. Ур успел донести ребёнка до большого океанского корабля.

– Покажи, где его родители, альбатрос!?! – прокричал капитан, принимая мальчика с крыльев птицы.

Ур не стал отвечать. Он просто повернул в сторону яхты,

терпящей бедствие. Туда, где погибал его враг.

– И что же моряки успели спасти отца мальчика? – спросило кучевое Облако.

– Как вы думаете, кто поставил памятник альбатросу? – спросил Ветер Перемен.

– Неужели папаша?! – удивилось дождевое Облако.

– Да, именно он!

– А мальчик, что стало с ним? – облака притихли, ожидая ответа.

– Он вырос в отличного парня. Окончил мореходное училище, стал капитаном большого океанского судна. – Ветер Перемен улыбнулся. – Иногда он приезжает в прибрежную деревушку в отпуск, навещает отца. Тогда они оба выходят в океан на белой яхте.

– А Ур? – хором спросили облака. – Он умер?

– Почему умер?! – засмеялся Ветер Перемен – Он жив. Альбатросы живут долго, более восьмидесяти лет. Ур так же, как раньше, спасает людей, указывает кораблям место беды.

– А Ирри?

– Ирри всегда рядом с отцом...

– Смотрите! – неожиданно, закричало дождевое Облако. – Под нами белая яхта с синими полосами на борту. Смотрите, она теперь называется «Айя».

– Ты ошибся, Ветер, – негромко сказала кучевое Облако, – Айя не погибла, она и сейчас бежит по океанской волне под тугими парусами.

Ошибка Ветра

Ох, устал Ветер Перемен летать по земле, спать захотел! Поискал себе местечко для отдыха и решил примоститься на мягких сосновых ветках в глухом таёжном лесу. Нашёл самую большую сосну, самый тихий уголок. Только прилёг, глаза прикрыл, как услышал странный звук.

– Цык, цык! Цык, цык! Цык, цык! О-хо-хо!

– Ну, что ещё? – поморщился Ветер. – Кто там зубами стучит? Спать мешает! Выходи!

– Боюсь! – раздался писклявый голосок из-под корней ближнего дуба.

– Цык, цык! Цык, цык! Цык, цык! О-хо-хо!

– Ну и бойся дальше! – вздохнул Ветер. Перевернулся на другой бок. Заткнул уши и уснул.

Проснулся на третий день выспавшийся, окрепший, с хорошим настроением.

- Цык, цык! Цык, цык! Цык, цык! О-хо-хо, – опять услышал Ветер и очень удивился.
- Слушай, Цык-охохо, вылезай, немедленно, пока я

не разозлился! – Ветер сладко зевнул, потянулся. – Разбираться будем, чего боишься, кого боишься, зачем боишься и как боишься?

Из норки в корнях дуба высунулась заплаканная мордочка зайца:

– Всего боюсь! Слёзы капаят, по лапам стучат и их боюсь!

– Тяжёлый случай! – улыбнулся Ветер. – Кто тебя так напугал, что ты все зубы истучал и все глаза исплакал?!

– Волк! – пискнул заяц. – Три дня за мной гонялся. Съесть хотел. Я под дуб забрался в узкую нору, он меня выковыривал, выковыривал – не выковырял. Теперь где-то здесь рыщет, выжидает, когда сам вылезу.

Ветер поднялся над верхушками деревьев, огляделся – увидел затаившегося волка. Схватил его за шкурку, приподнял и опустил рядом с заячьим укрытием.

– Поди-ка сюда, серый, – строго сказал Ветер. – Отвечай, зачем зайца пугаешь?

– Есть, эта-а, хочу! – недовольно ответил волк. – Слышишь, эта-а, пузо голодную песню поёт!

– Кроме зайца, поесть больше ничего не хочешь? – миролюбиво спросил Ветер.

– Не-а! – осмелел волк. – Хочу, эта-а, свежей зайчатины!

– Поступим так, – задумчиво произнёс Ветер Перемен. – Я сейчас поменяю вас сердцами на месяц, а там посмотрим: захочется тебе зайчатины или нет!

Сказал и сделал. Волку – заячье сердце, зайцу – волчье.

– Цык, цык! Цык, цык! Цык, цык! О-хо-хо, – застучали волчьи зубы. – Ветер погоди! Верни мне, эта-а, моё сердце назад. Я, эта-а, больше не буду зайцев есть! – из глаз волка катились крупные слёзы. – Я, эта-а, барсука съем или белку...

– Через месяц и съешь – улетаю, прогудел Ветер. – Если захочешь...

– Так, за месяц меня, эта-а, самого съедят, – вдогонку ему крикнул волк.

– А ты удирай, удирай, приспособляйся... – донеслось высоко в облаках.

Из норки в корнях дуба показалась нахально улыбающаяся морда зайца:

– С дороги, волчара! – зычно рыкнул заяц, сбил волка с ног и потрусил в чащу леса.

Бежал заяц недолго, сразу наткнулся на медведя. Тайга кругом нехоженная, машинами да людьми не истоптанная, поэтому зверья всякого, видимо-невидимо.

– Хорошо бежишь, заяц! – обрадовался медведь. – Прямо в лапы бежишь, голодный я! Возьми корзиночку, сгоняй на дальние луга. Принеси малинки, землянички мне полакомиться. Уж больно сладкого хочется! Я тебя здесь подожду, в тенёчке полежу, лапы повытягиваю. От зимней спячки затекли...

Заяц притормозил рядом с медведем. С интересом изучил брошенную под ноги корзинку. Пристально посмотрел мед-

веду в глаза. В груди его гулко стучало волчье сердце:

– Ты чего, косилапый, с дуба свалился?! Только проснулся, а уже жрать?! Ты морду вымыл? Зубы почистил? Смотри, в ушах ещё с прошлой зимы грязь лежит. Иди, уши мой!

Медведь от неожиданности присел.

– Косой, ты случаем не заболел? – осторожно спросил медведь.

Заяц аж подпрыгнул от злости, зубами заскрежетал:

– Какой я тебе косой?! Где ты видишь, что я косой?! Когти мои на твоей морде ещё не отмечались?! – завизжал заяц, забрызгивая медведя слюной, – я тебе сейчас устрою...

Заяц схватил корзинку, взвился вверх, надел её медведю на голову по самые уши.

Медведь онемел, от страха зажмурился, в лес драпанул. Чего нарываться – то? Так с корзинкой на башке и бежал через бурелом, не разбирая дорог. – Ну его! – думал на ходу косилапый. – Бешеный какой-то. Сам вроде заяц, а глазами глядит злющими, как у волка. Такого съешь – заболеешь...

В это время в другой части леса услышала лисица боязливый стук зубов.

– Неужто мне повезло, заяц где-то рядом? – обрадовалась рыжая плутовка. Голову к земле наклонила, заячий след взяла, прямо к волчьим лапам и прибежала.

– Ты что, серый, зайца задрал? Здесь зайцем пахнет. Целого зайца один съел? Со мной не поделился, бесстыжий! – возмутилась лиса.

– Цык, цык! Цык, цык! Цык, цык! О-хо-хо! – стучали волчьи зубы. – Какого зайца, лисонька? Я его, эта-а, как огня боюсь...

– Чего-о-о-о? – поперхнулась лиса. – Зайца боишься? И давно?

– Час или полтора, эта-а, как боюсь, – заплакал волк.

– Ещё кого боишься? – полюбопытствовала лиса.

– Орла боюсь, воробья боюсь, эта-а, червяка боюсь, – рыдал волк. – Тебя боюсь, вдруг ты меня, эта-а, съешь?

– Я?! – лиса покатила со смеху. – Стану я тебя серого да вонючего, жилистого и старого есть! Заболел ты, волк. Точно заболел! Где заразу подцепил, рассказывай...

Рассказал Волк лисе историю с Ветром Перемен. Лиса внимательно слушала.

– Через месяц со мной, эта-а, должно пройти, – всхлипывал волк. – Месяц этот, как-то надо, эта-а, прожить. А? Как думаешь лиса, проживу?

Лиса в задумчивости поскребла лапой макушку:

– Если ничего не предпринять, не проживёшь – съедят! Подумать надо крепко, как выкрутиться.

– Ой, лисонька, думай! – запричитал волк. – Я сам, эта-а, думать не мастак!

Лиса походила-походила, посидела-посидела, полежала-полежала и придумала:

– Надо Общество создать! – твёрдо заявила рыжая плутовка. – «Общество защиты трусливых животных». Ты бу-

дешь председателем!

– Боюсь, эта-а, боюсь, боюсь быть председателем – съедят! – занял волк.

– Съедят, но не сразу! – согласилась лиса – Пока разберутся, что да как, месяц пройдёт. А там, глядишь, Ветер Перемен тебе твоё волчье сердце назад вернёт. Сиди тут. Зубами сильно не стучи. Я побежала, проинформирую лес о новом Обществе.

Сказала и уткнула.

Через месяц, полетав по свету, решил Ветер Перемен в таёжный лес заглянуть. Посмотреть, как там дела? Что изменилось? Тем более, обещал. Обещания нужно выполнять. Прилетел на старое место. Сел на знакомую сосну. Осмотрелся. Кроме сосны, на которой спал, ничего больше не узнал. На поляне зверья разного было не сосчитать. Все суетились, бумажки какие-то писали. Написав, тащили к столу, становились в очередь. За столом сидела лиса, бумажки читала, передавала рядом сидящему волку. Волк брови хмурил, когтем грозил, криво усмехался, но бумажки подписывал, потом открывал здоровенный ящик. В него счастливые обладатели подписанной бумажки последние свои харчи складывали – рыбку вяленую и копчёную, грибочки сушёные и маринованные, ягоду разную, орехи. Свинья притащила фрукт заморский – банан. Волк с довольным видом брюхо своё набитое поглаживал, от сытости икал. Иногда, правда, трусливо зубами поцыкивал, тихонечко-тихонечко, почти неслыш-

но. Те, кто всю еду свою уже отдал, получал голубую мигалочку – дрожащую синим цветом лампочку, с прикрученной к ней прозрачным скотчем китайской батареей. Недоумённо покрутив в лапах приобретение, обладатель приобретения отходил в сторонку и старательно пристраивал её себе на голову.

– Что у нас здесь происходит? – громко удивился Ветер. – Почему столпотворение?

Волк тут же спрятался под стул. Лиса для солидности очки на нос нацепила, карандашиком по столу постучала, хорошо поставленным голосом произнесла:

– Тишину прошу, уважаемые звери! Здесь к нам с проверкой, летающие выше Ветры прибыли, просят разъяснения...

– Не прибыли, а прилетел! Я один прилетел! – оборвал лису Ветер. – Разъяснения впрямь прошу...

Лиса расплылась в приторно-сладкой улыбке:

– Мы к вам с полным уважением, не подумайте чего плохого, – залепетала рыжая плутовка. – В «Общество защиты трусливых животных» звери записываются. Причём абсолютно добровольно. Бесплатно...

– А ящик зачем?

– Ящик для благодарности. Чисто от сердца, от широты души!

– Что за мигалки выдаёте? – поинтересовался Ветер.

– Каки- таки мигалочки? – удивилась лиса, – Ах, эти... Так, охранные мигалочки выдаём. Кто мигает, того трогать

нельзя!

– Ну и как? С мигалочкой хищники не едят трусишек? – удивлённо приподнял бровь Ветер. – Действуют мигалочки?

– А как же! – суматошилась лиса. – Ещё как действуют! Мигающих зверюшек не трогают. А потом, как его съешь? Мигалкой подавишься. По лесу не мигающих, не охваченных обществом зверей полным- полно бегают. Ешь – не хочу!

– Та-а-а-к! Приспособились, значит? – загудел Ветер.

Лиса попыталась возразить, но Ветер её остановил:

– С тобой, плутовка, потом разберусь. Ну-ка, волк, вылезай из-под стула. Скажи мне, зайчатины свежей всё ещё хочешь?

– Не-а! – чирикнул волк, – Ты бы, эта-а, Ветер, ещё месяца три – четыре полетал где-нибудь. Мы бы, эта-а, все дела здесь закончили, в другой лес перебрались. Тебе бы, эта-а, место для сна освободили.....

– Где мне спать, – строго сказал Ветер, – я сам решу! Посидите здесь пока, попринимайте трусов в Общество. Я к зайцу полечу, проведаю. Потом решу, что с вами делать!

На другом конце леса всюю трещали деревья. Медведи делали просеку. Бобры подрезали мелкие деревца, стаскивали их в овражек. Кроты землю на просеке подрывали, сорную траву выдёргивали. Привезённый из-за границы бегемот, утрамбовывал землю обработанную кротами, чтобы было идеально ровно. За бегемотом шли, выстроившись в ше-

ренгу, лисы. Они сеяли газонную траву.

В начале просеки дорога была готова. Там по обеим её сторонам стояли каменные глыбы. Дятлы, а их было множество, из них что-то выстукивали...

– Не может быть! – пригляделся Ветер и от удивления закашлялся. – Это же скульптуры зайца! Точно он. Герой!

Герой обретался здесь же. Он придирчиво осматривал творения дятлов. Обходил каждую скульптуру, делал замечания. Особенно величественно выглядела центральная каменная фигура в самом начале просеки «Заяц задирает тигра».

Услышав покашливание Ветра, заяц поморщился:

– Некстати ты, Ветерок, прилетел! Работа ещё незакончена, – снисходительно проронил заяц. – Видишь, аллею имени меня делаю. Прилетай месяца через три-четыре, будет на что посмотреть! Сейчас не взыщи, не показывают пол-работы... – Заяц осекся на полуслове.

– Понял, понял! – хитро прищурился Ветер Перемен. – Полработы не показывают дураку?!

Ветер прикрыл глаза, задумался:

– Промахнулся я в этот раз! Пустил всё на самотёк, не уследил. Мошенники лиса и волк дурят зверей, последнюю еду выманивают. Тайга от синих мигалок, как гирлянда светится, а им всё мало! Новые леса осваивать собираются. Заяц, вообще, обнаглел, зверей рабами сделал, сверхзверем себя возомнил. Тайгу своими изваяниями загадил. Тьфу!

Закручинился Ветер, застонал, заплакал:

– Ох, ошибся! Ох, наделал дел!

– Прекрати! – остановил причитания Ветра требовательный голос. На ветке старой ели сидела Мудрая Сова.

– Не ошибается только тот, кто ничего не делает, – строго сказала она. – Кто делает и ошибается – всегда может исправить ошибки...

Ветер расправился, тряхнул буйными волосами, взлетел высоко в небо, схватил две грозовые тучи, грохнул их друг о друга, высек молнию, загудел

– Пусть будет, как было!

Тайга вздрогнула и облегчённо вздохнула. Ветер посмотрел вниз, улыбнулся:

– Вот теперь узнаю знакомые места. Спасибо тебе, Мудрая Сова! Гляди-ка, волк опять за зайцем гонится...

Об акуле Акулине

Акула по имени Акулина родилась в водах Атлантического океана. Она появилась в семье больших белых акул. Мать Акулины была Царицей стаи, отличалась особой кровожадностью и злостью. В стае говорили так:

– В нашей Царице собралась вся злость акульей семьи. Эта не щадит никого! Есть захочет, может напасть даже на кита. Мы однажды видели, как Царица вырывала острыми зубами куски китового мяса. Уж на что вся стая голодной была, подплыть боялись. Ненароком и от нас могла отхватить кусок!

Когда у Царицы родилась дочка – акула Акулинка, злости ей не досталось. Всю забрала мамочка. Поэтому там, где у акул должна прятаться злость у Акулины была пустота. Нет! Неправильно! не совсем пустота. Там приютился маленький кусочек доброты, малюсенький! Каждой акуле полагается малюсенький кусочек доброты. Но живя рядом с большой злостью, доброта растворяется в ней без остатка, поэтому акулы такие злющие и кровожадные.

Акулинка росла, вместе с ней росла доброта. Со временем Акулинка выросла во взрослую акулу и доброта заполнила её всю без остатка. Как жить с этой напастью, она не знала. Она большая белая акула – гроза морей и океанов и должна быть злой, а она добрая!

В океанах случается всякое. Однажды, в шторм потерпело

крушение пассажирское судно. Акулы со всего океана плыли к месту беды. Оставшиеся в живых люди с ужасом увидели, как на них надвигается акулья стая. Самой активной и быстрой была Царица.

– Быстрее, соплеменники, быстрее! – подгоняла она акул. – Наедемся на целый месяц. Дочь, не отставай!

Акулина не отставала.

– Как мне спасти людей?! – с ужасом думала она, – мать первая разорвёт меня на куски, если акулы поймут, что я не с ними!

Особое чутьё подсказало акулам: с противоположной стороны к кораблю мчится чужая стая, числом в два раза более их.

– Дельфины! Проклятые дельфины! – завизжала Царица. – Их тьма! Они победят нас. Поворачиваем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.